

—

VII.

Се Чаньюэ смотрел на эти грубые, мощные стебли и листья: если бы он не посадил их собственными руками, то ни за что бы не поверил, что всё это выросло из тех маленьких золотистых зернышек.

Гу Лаоэр и Му Ся стояли рядом с ним. Му Ся похлопал его по плечу, безмолвно утешая — мол, ничего страшного, не расстраивайся.

Гу Лаоэр прикинул высоту стеблей и усмехнулся:

— Растут-то они быстро, только вот на цветы совсем не похожи. Больше на деревья смахивают...

Сказав это, он тут же сам себя осек: деревья-то могут быть такими высокими, но разве они растут с такой скоростью? Что же это за диковина такая? Где вообще находятся эти заморские земли? Говорят, люди там выглядят совсем не так, как в нашей империи Да Чжоу, так что и цветы у них вполне могут быть такими... странными.

Се Чаньюэ был крайне разочарован. Ему казалось, что мужа просто обманул тот заморский бродячий торговец. На самом деле, еще два месяца назад, когда семена только проклюнулись, у него закрались подозрения, но он продолжал усердно полоть сорняки и собирать вредителей, надеясь, что растения еще преобразятся. Но теперь стало ясно — надежды нет.

Гу Сьюань, оставив короб с книгами в комнате, вышел и спросил Гу Цинцин, где все. Узнав, что всё семейство на заднем дворе, он направился туда.

У Се Чаньюэ будто был встроенный «радар» на мужа: тот еще не успел выйти из дома, а гер уже почувствовал его приближение и обернулся. В следующий миг действительно показалась знакомая высокая и холодная фигура.

— Муж! — глаза Се Чаньюэ засияли ярче звезд. Вся хандра мгновенно испарилась, и он радостно бросился навстречу.

Гу Сьюань подхватил это маленькое «пушечное ядро», врезавшееся в него. Взявшись за руки, они, словно сиамские близнецы, подошли к грядке с кукурузой. Гу Лаоэр и Му Ся переглянулись — они уже привыкли к этому. Сын и невестка были неразлейвода.

Гу Сьюань протянул руку, сорвал один початок, очистил его от листьев и рылец, обнажив плотные золотистые зерна, и удовлетворенно кивнул:

— Неплохо, полностью созрела.

Се Чаньюэ, увидев в его руке знакомое золото, округлил глаза:

— Это... это и есть те семена?

— Угу, — ответил Гу Сьюань, — а еще это еда.

Се Чаньюэ нахмурился:

— А? Разве это не цветы?

Гу Сьюань с невозмутимым видом принялся сочинять:

— Нет. Я снова встретил того торговца семенами. Он сказал, что тогда ошибся. Это не цветы, а зерновая культура, которую едят за морем. Называется «кукуруза» (юйми). Это почти то же самое, что наш рис или пшеница.

Се Чаньюэ надул губы и с удивлением произнес:

— Надо же, какая у заморских людей еда красивая. Но... кукуруза — «яшмовое зерно» — это название ей очень подходит. Каждое зернышко и впрямь будто из золота или яшмы сделано.

Му Ся знаками выразил сыну сомнение: «Это точно можно есть?» Он никогда не видел, чтобы злаки были такими нарядными. Не хватало еще снова ошибиться и отравиться, это ведь не шутки...

Гу Сьюань ответил с самым серьезным видом:

— Ошибки быть не может. Тот торговец при мне зажарил её и съел. По его словам, её можно не только жарить, но и парить, готовить как овощное блюдо, а еще перемалывать в муку и делать сахар...

Гу Лаоэр изумился:

— Даже сахар можно делать?

Сахар в эти времена был вещь чрезвычайно дорогой и редкой.

Му Ся, услышав это, поверил и согласно кивнул:

— Раз так, то это действительно похоже на злак. Как и пшеница — из нее тоже делают муку и сахар.

Се Чаньюэ потянул Гу Сьюаня за рукав, горя желанием поскорее попробовать:

— Раз это еда, давай всё соберем! Вечером и зажарим!

Гу Сьюань кивнул. Примерно через десять минут вся семья из четырех человек сидела в кругу на заднем дворе, онемев от вида двух огромных мешков, набитых початками.

Гу Лаоэр почесал затылок, не веря своим глазам:

— Я помню, мать выделила под это всего около одного фэня* земли. И с одного фэня выросло столько? Я сейчас прикинул — тут почти сто цзиней. Даже если убрать кочерыжки, которые не едят, останется восемьдесят-девять цзиней зерна.

[*Фэнь (畝, fēn) — традиционная мера площади в Древнем Китае, составляющая 1/10 часть от му** (畝) — 66,6 м². **«Му» (畝, mǔ) — это традиционная китайская единица измерения площади земли, которая в настоящее время равна примерно 1/15 гектара (667 м²), в древние времена могла варьироваться от 225 м² до 760 м² в разное время.]

А ведь по слухам, доходящим от двора и народа, в районе озера Тайху в Цзяньнани несколько

лет назад появилось невероятно плодородное поле, где за два урожая в год собирали почти 600 цзиней риса с одного му — и это считалось невиданным чудом. У них же на севере из-за холодов и нехватки воды рис растет только один сезон, поэтому в основном сажают пшеницу. Урожайность пшеницы куда ниже — за два посева в сумме выходит около 300 цзиней, вдвое меньше, чем на юге.

А тут... с одного фэня — девяносто цзиней. Значит, с одного му можно собрать восемьсот-девятьсот цзиней? И это всего за три месяца роста!

«Боги мои, да это же чудо!»

Гу Сыюань, глядя на их потрясенные лица, подумал: «Это всего лишь сорт, отобранный путем естественной селекции, поэтому урожайность составляет около 400 кг с му». В современном мире лучшие гибриды дают до 900–1000 кг, но гибридные сорта нельзя оставлять на семена, их нужно выводить заново каждый год в лабораториях, что в древности невозможно. Поэтому пока придется довольствоваться этим.

Му Ся снова посмотрел на невестку и спросил знаками: «А-Юэ, я видел, ты почти не ухаживал за ней, а она вымахала такой высокой?»

Се Чаньюэ кивнул:

— Она росла прямо на глазах, каждый день менялась. Я только полыл сорняки да жуков ловил.

Гу Лаоэр вздохнул:

— Так легко растет, да еще такой урожай... Даже представить страшно!

Се Чаньюэ подпер подбородок белой ладошкой:

— Раз она созревает за три месяца и любит тепло, в следующем году можно попробовать посадить первый урожай во втором-третьем месяце, а второй — в седьмом. Правда, во второй раз урожай может быть поменьше.

Гу Сыюань взглянул на него и негромко произнес:

— Супруг мой проницателен. Тот торговец говорил, что за морем лето длится семь месяцев в году, поэтому там собирают два урожая кукурузы подряд.

Гу Лаоэр пришел в неопишуемый восторг:

— Даже если будет меньше, пусть хоть в половину! Если второй урожай даст триста-четыреста цзиней, то в сумме за год с одного му выйдет тысяча триста цзиней... — Голос его невольно затих, и он схватился за голову.

Тысяча цзиней зерна с одного му в год... Он и мечтать о таком не смел. Тыфу, нет, там еще «хвостик» в триста цзиней — а это уже годовая норма их пшеницы! Получается, их северные земли по урожайности обгонят лучшие заливные поля Цзяньнани в два раза. Хотя... в Цзяньнани климат теплее, а кукуруза любит жару. Если посадить её там, она наверняка будет расти еще лучше. Тц...

Придя в себя от шока, Гу Лаоэр бережно сгреб кукурузу в охапку, собираясь спрятать её в своей комнате. Гу Сыюань посмотрел на родителей и строго наказал:

— Никому пока не говорите об урожайности. У меня на неё свои планы.

Гу Лаоэр и Му Ся серьезно кивнули. Зерно, дающее больше тысячи цзиней с му — это не шутки. Это дело огромной важности, которое наверняка связано с будущей карьерой их сына. Они не скажут ни слова даже бабушке с бабушкой.

Вернувшись в комнату, Се Чаньюэ нерешительно посмотрел на мужа:

— Муж, как ты планируешь преподнести эту кукурузу властям? Я... я мог бы съездить в поместье графа Суйнин...

Хотя он сам решил вернуться в деревню Хуанъян, он всё же прожил в поместье почти шестнадцать лет. Пусть не господин Шэнь и не его супруга, но старая госпожа Шэнь когда-то очень его любила. Когда он настоял на возвращении в деревню, она даже плакала, держа его за руку, и называла «неблагодарным».

Уголок губ Гу Сьюаня дрогнул. Он посмотрел на своего маленького супруга. Он сразу раскусил его мысли — в конце концов, в оригинальном сюжете этот парень был тем еще «злодеем на подхвате». Его повседневная простодушность перед ним — лишь фасад. Сердце Гу Сьюаня смягчилось, и он притянул супруга к себе на колени. Се Чаньюэ послушно обвил шею мужа руками.

Гу Сьюань, поглаживая его тонкую талию, прошептал ему на ухо:

— Не нужно. У меня свой план, но нужно еще немного подождать.

— Подождать, пока пройдут экзамены на туншэна следующей весной? — спросил Чаньюэ.

Гу Сьюань кивнул:

— Ты понимаешь меня как никто другой, Чаньюэ.

В этом мире всё — лишь прах, и только ученье превыше всего. С официальным ученым званием твои слова имеют совсем другой вес. Услышав это, Се Чаньюэ невольно покраснел. Муж любил обнимать его, но на слова всегда был скуп и холоден — и это был первый раз, когда он так прямо выразил свои чувства.

Обрадовавшись, Чаньюэ сообразил дальше:

— Хоть мне и кажется, что два урожая — не проблема, нужно дождаться весны и проверить еще раз, чтобы быть уверенным. К тому же, нужно увеличить площадь посадки. Так мы сможем заметить, есть ли у нее специфические вредители, и заранее принять меры. Чтобы не вышло так, что мы поднесем дар императору, а потом возникнут проблемы — это будет уже не благое дело, а гнев государя на наши головы.

Гу Сьюань еще крепче прижал к себе это умное маленькое создание. Он кивнул:

— Да. Нужно засеять хотя бы несколько му, чтобы это выглядело убедительно. Когда сверху пришлют людей для проверки, они будут изучать каждый колосок. Возможно, моему супругу даже придется побыть «маленьким учителем» и объяснять им, что к чему.

Се Чаньюэ улыбнулся. Урожай в тысячу триста цзиней — это слишком невероятно. Наверху не поверят на слово, они захотят увидеть всё своими глазами, а потом еще и сами проведут

испытания. Однако Чаньюэ тут же надул губы и сердито проворчал:

— Но у нас сейчас нет ни единого му земли! Даже если мы уговорим дедушку с бабушкой, эта противная старшая тетя обязательно вылезет со своими придирками.

Гу Сьюань прищурился. Похоже, действительно пора делить имущество и разъезжаться. Лучше всего сделать это до наступления Нового года. Мало того что в общем доме у него связаны руки, так еще и старший двоюродный брат — верный «пес» главного героя Шэнь Чанхуаня. В этом вопросе они изначально стоят по разные стороны баррикад.

Вечернее солнце почти скрылось за горизонтом.

Гу Сьюань закончил писать сегодняшний трактат и доделал переписывание тома «Полного собрания Канона документов». Выйдя из комнаты, он подозвал Се Чаньюэ, который сидел на корточках рядом с Му Ся и наблюдал за тем, как тот ткет полотно.

— Пойдем...

Увидев мужа, Се Чаньюэ позабыл обо всем на свете и, не говоря ни слова, тут же подбежал и вцепился ему в руку. Му Ся лишь с улыбкой покачал головой: он уже привык к тому, что невестка бросает его ради сына.

Только выйдя за ворота и почти добравшись до окраины деревни, Се Чаньюэ спохватился:

— Муж, а куда мы идем?

Гу Сьюань качнул деревянным ведром в руке и спокойно ответил:

— Мы ведь собирались запечь кукурузу на ужин. Есть одну кукурузу скучно, так что я свожу тебя на речку поймать немного рыбы, зажарим её вместе.

Се Чаньюэ восторженно округлил глаза:

— Муж, ты такой хороший!

По дороге из деревни Хуанъян в городок Хэси протекал ручей — приток реки Юндин. Вода в нем была кристально чистой и никогда не пересыхала, а рыбы и креветок хватало в избытке. Впрочем, жизнь в деревне была тяжелой, и всё, что хоть немного напоминало мясо, вылавливалось подчистую. Здешние рыбы были хитрее обезьян, а те, кто не отличался смекалкой, давно осели в желудках односельчан.

Гу Сьюань поставил ведро, снял обувь, подоткнул длинные полы халата за пояс и зашел в ручей. Осенняя вода обдала легкой прохладой, прогоняя сухость воздуха — было очень приятно. Он протянул руку стоящему на берегу Се Чаньюэ:

— На дне галька, очень скользко. Спускайся, держись за меня.

— Хорошо, муж, иду!

Чаньюэ вскрикнул и прыгнул в воду почти с разбега. Брызги взлетели выше головы, будто в реку бросили динамит. Гу Сьюань вытер залитое водой лицо, помолчал мгновение и мрачно подумал: «Глушь, безлюдье... пожалуй, отличное место, чтобы прикопать труп».

Впрочем, наказание настигло этого озорного гера незамедлительно. «Кто мужа не слушает —

тот горько плачет»: галька на дне, отполированная течением, была невероятно скользкой. Сначала Чаньюэ ничего не почувствовал, но стоило ему сделать шаг, как он начал раскачиваться из стороны в сторону.

Размахивая руками, Се Чаньюэ закричал, то ли плача, то ли смеясь:

— Муж, спасай!..

Гу Сыюань невозмутимо выжал воду из рукава, делая вид, что ничего не замечает. И лишь в самый последний момент, когда гер уже готов был плюхнуться в воду, он ловко подхватил его и прижал к себе.

Се Чаньюэ вцепился в одежду мужа, одновременно злясь и чувствуя азарт. Он поднял свою белую худую ступню и легонько наступил на широкую стопу Гу Сыюаня, смешно шевеля пальцами ног:

— Хм! Вот тебе за то, что обижаешь меня. Теперь я буду стоять на тебе.

— И кто кого обижает? — усмехнулся Гу Сыюань, ущипнув его за надутую щеку. Перекладывание вины с больной головы на здоровую — это про него.

— Ты обижаешь! Не схватил меня сразу, — уверенно заявил Се Чаньюэ.

— А кто велел тебе так скакать? Посмотри, я теперь весь мокрый.

— Хм! — Се Чаньюэ обиженно засопел.

Гу Сыюань уже хотел подшутить над ним, но в следующий миг маленький гер крепко обхватил его за талию. Прижавшись лицом к его мокрой груди, он тихо прошептал:

— Муж, в нашу брачную ночь ведь тоже так было... Ты поднял меня и поставил на свои ноги. Муж, я так тебя люблю.

— ... — Гу Сыюань замолчал.

Он опустил голову и нежно поцеловал супруга в полувлажные волосы. Ладно, пусть виноватым буду я.

Спустя некоторое время подул ветерок. Гу Сыюань отстранил Чаньюэ:

— Сядь на тот большой камень у берега. Осень на дворе, промокнешь до нитки — простудишься.

Се Чаньюэ недовольно надул губы, но, вспомнив, что сам на ногах стоит едва-едва, решил не мешать. Не хватало еще задержать мужа, и тогда на ужин рыбы не будет... Опираясь на руку Гу Сыюаня, он медленно дошел до валуна и сел, опустив стройные белые ноги в воду и озорно брызгаясь.

Гу Сыюань в своей прошлой жизни вырос в горной деревне, где рядом был похожий ручей, так что в ловле рыбы он знал толк. Особенно когда рядом не было «балласта». Вскоре он вытащил рыбку весом около двух цзиней.

Се Чаньюэ радостно заверещал, подтягивая ведро:

— Муж, сюда её, сюда!

В итоге Гу Сьюань поймал четыре крупные рыбы и две поменьше — настоящий богатый улов. Се Чаньюэ впервые участвовал в такой рыбалке и был так воодушевлен, что на обратном пути настоял на том, чтобы самому нести ведро. Однако ведро было наполовину наполнено водой, чтобы рыба дольше жила, и его силенок хватило ненадолго. Сценарий был старым: ласковый зов на помощь.

Когда Гу Сьюань с легкостью подхватил ведро, малыш всю дорогу строил «глазки» и рассыпался в комплиментах.

Дома Му Ся, увидев плещущуюся в ведре рыбу, показал жестами: «И впрямь поймали, молодцы!»

Се Чаньюэ, присев у ведра, гордо кивнул. Его красивые глаза превратились в щелочки от улыбки:

— Это всё муж поймал, но... я тоже приложил немного усилий.

Му Ся еще не встречал такого живого и милого гера. Ему захотелось потискать его за щеки, но, поймав прямой взгляд сына, он тут же передумал. Он показал невестке жестами: «Пусть А-Ян зажарит её для тебя, а я пойду приготовлю соус».

— Спасибо, папа! — Се Чаньюэ радостно закивал, а потом, немного поколебавшись, тихо добавил: — Папа, я могу поделиться с тобой парой рыбок... ну, одной.

— ... — Му Ся.

Нет необходимости так себя заставлять.

Се Чаньюэ обхватил ведро руками — это была рыба, пойманная им и мужем, и ему очень не хотелось отдавать её кому-то другому. Но папа был очень добр к нему, к тому же он — отец мужа. Му Ся со смехом покачал головой и ушел на кухню, не собираясь забирать у него «сокровища».

Гу Сьюань развел в углу двора небольшой костер и достал прибереженные початки кукурузы. Се Чаньюэ тут же притащил ведро и устроился рядом.

Вернувшаяся с посиделок у соседок старая госпожа Гу, завидев дым, нахмурилась:

— Скоро ужин, что вы тут опять затеяли?

Гу Сьюань поднял голову:

— Урожай Чаньюэ собрали, хочу дать ему попробовать запеченную кукурузу.

Старуха удивилась:

— Урожай? Это же цветы были?

— Ошиблись, — не моргнув глазом, ответил Гу Сьюань. — На самом деле это злак.

— Я же говорила! Где это видано, чтобы цветы так выглядели. Зря только деньги потратили и мой фэнь земли заняли, — проворчала старуха, но тут же добавила строже: — Ты человек

ученый, негоже тебе целыми днями с супругом возиться. Весной экзамены, иди лучше занимайся. Не требую, чтобы ты был таким же блестящим, как Чжэнь-эр, и сразу стал туншэном, но уездный экзамен сдать обязан!

— Угу, — кивнул Гу Сьюань.

Старая госпожа Гу, видя его холодность, потеряла всякий интерес к разговору. «Оба внуки, а почему Ян-эр такой колючий, совсем не радует сердце».

Гу Сьюань не обратил внимания на её слова и сосредоточился на костре. Се Чаньюэ потянул его за рукав.

— М? — Гу Сьюань вопросительно взглянул на него.

Чаньюэ прижался щекой к его запястью:

— Муж самый лучший. Я тебя больше всех люблю.

— ... — Гу Сьюань вздохнул.

Что делать, если супруг признается в любви на каждом шагу?

Кукуруза и рыба готовятся быстро. Вскоре над двором поплыл густой, аппетитный аромат дымка и жареного мяса. Все домашние невольно потянули носом. Из дверей высунулась Ли Сянтао. Убедившись, что Гу Яна рядом нет, она подбежала к костру:

— Братец Му Ся, пока А-Ян на каникулах, вы что тут вкусненькое готовите? Такой аромат, что даже за закрытыми дверями слышно!

Му Ся передал Се Чаньюэ соус, чтобы тот смазывал рыбу, а сам, закатив глаза, ушел на кухню. Если спрашиваешь — спрашивай нормально, а не язви. Ли Сянтао и не ждала ответа от него. Она подошла к Се Чаньюэ и уставилась на костер:

— Жареная рыба! Когда это вы рыбу купили? И что же, едите втихомолку всей семьей? Мы еще не разделились! Даже если не хотите делиться с нашей ветвью, родителей-то уважить обязаны!

Се Чаньюэ не стерпел:

— Что вы такое говорите! Эту рыбу муж сам поймал. А папа уже варит на кухне уху, так что дедушка с бабушкой без рыбы не останутся.

Ли Сянтао при слове «уха» заулыбалась, но тут же махнула рукой:

— Все мы одна семья, к чему это «твое-мое», разве не из одного котла едим?

Се Чаньюэ хитро прищурился:

— Старшая тетя, я видел, как вы сегодня у лоточника хурму сушеную покупали. Дедушка её очень любит, да и я не прочь полакомиться. Разделите на всех, когда подавать будете?

Ли Сянтао изменилась в лице:

— Что ты мелешь, дитя? Какая еще хурма?

Се Чаньюэ пристально посмотрел на её губы:

— Сахарная пудра на губах осталась. Видимо, только что в комнате в одиночку ели?

Тетка вздрогнула и поспешно вытерла рот. Чаньюэ холодно усмехнулся:

— Хм! Говорили же — нет никакой хурмы? И как только язык поворачивается так нагло врать...

— Ты... да ты!.. — Ли Сянтао ткнула в него пальцем, готовая сорваться на крик.

Но в этот момент из дома вышел Гу Сьюань. И она мгновенно съежилась. После той стычки из-за арбуза каждый раз, когда она пыталась задеть вторую ветвь, Гу Ян находил способ выставить её в худшем свете. Теперь она его откровенно побаивалась. Смерив Се Чаньюэ злобным взглядом, она поспешно скрылась в своей комнате.

«Ничего-ничего, завтра и мой сын вернется. Уж он-то прочит этого выскочку Гу Яна».

В главной комнате старый господин Гу и старая госпожа слышали шум во дворе и обменялись многозначительными взглядами. Старик вздохнул:

— Завтра Чжэнь-эр возвращается. Как приедет — так и скажем. Пора делить хозяйство, пока всё не переросло в настоящую вражду.

Старуха кивнула, но всё же недовольно проворчала:

— Стоило им жениться, как сразу стали горой за своих жен стоять. Раньше Ян-эр таким не был. Как он может так пугать старшую тетку? Совсем приличия растерял.

Академия округа Тунчжоу распустила учеников на каникулы Шоуи третьего числа девятого месяца. Гу Чжэнь нанял резвую повозку и уже к полудню вернулся в деревню Хуанъян, но на этот раз он привез с собой незваного гостя.

Ли Сянтао, завидев в окно остановившуюся у ворот повозку, сообразила, кто это, и с сияющим лицом выскочила во двор:

— Чжэнь-эр!..

Первым, кого она увидела, был Шэнь Чанхуань, но от этого её улыбка стала еще шире.

— Ой, это же Сяо Хуань! Сяо Хуань приехал вместе с Чжэнь-эром. А я всегда говорила — вы же с самого детства были так близки...

Она ласково шагнула вперед, собираясь взять Шэнь Чанхуаня под руку, но тут перед ней выросли две молодые служанки:

— Не смейте вести себя столь вольно с нашим молодым господином.

Ли Сянтао на мгновение опешила, но быстро вернула улыбку на лицо и затараторила:

— Да-да, конечно! Сяо Хуань теперь молодой господин из графского поместья, это я от радости... Простите за бестактность...

Гу Чжэнь спрыгнул с повозки и позвал:

— Матушка.

Ли Сянтао тут же подбежала к нему:

— Целое утро в пути, устали небось? Веди Сяо Хуаня в дом, присаживайтесь, а я пойду чай заварю!

Шэнь Чанхуань вошел во двор семьи Гу. Когда его подошвы коснулись земли деревни, в которой он не был полгода, на душе у него было спокойно. Увидев Се Чаньюэ, который сидел на корточках под навесом в простой одежде из грубой ткани с перепачканными в земле руками, он окончательно избавился от всяких негативных чувств.

Ли Сянтао, заметив взгляд Шэнь Чанхуаня и желая выслужиться, прикрикнула на Се Чаньюэ:

— Не видишь, дорогие гости приехали? Что ты за ребенок такой невоспитанный, даже поздороваться не можешь? Сидишь как истукан — сразу видно, врожденная участь деревенщины!

Се Чаньюэ отложил в сторону свежесозданную землю, поднял голову и спокойно ответил Ли Сянтао:

— Если вы посмеете оскорбить меня еще хоть раз, я тут же пойду жаловаться мужу.

— Ты... — услышав про Гу Яна, Ли Сянтао невольно вздрогнула, но, вспомнив, что её собственный сын сегодня дома, воспряла духом, готовясь к полноценной словесной дуэли.

В этот момент Се Чаньюэ вдруг усмехнулся:

— Старшая тетя, ваши гости ждут. Не позорьтесь перед посторонними и поменьше лезьте ко мне!

Ли Сянтао фыркнула и замолчала.

Шэнь Чанхуань пристально смотрел на Се Чаньюэ. Изначально он хотел, чтобы тот вышел за Гу Чжэня, надеясь, что так гер присмирится — ведь Шэнь Чанхуань знал, что Гу Чжэнь, женат он или нет, всегда будет в его власти. С другой стороны, прожив в деревне Хуанъян больше десяти лет, он прекрасно знал, какой тяжелый человек Ли Сянтао. Стань Се Чаньюэ её невесткой, ему бы пришлось несладко.

Но, к его удивлению, Се Чаньюэ вообще не вышел за Гу Чжэня. И сейчас, несмотря на поношенную одежду, в его взгляде было куда больше задора и жизни, чем прежде. Значит, он жил неплохо — возможно, даже лучше, чем в графском поместье. Когда Гу Чжэнь говорил ему, что Се Чаньюэ счастлив в семье Гу, Шэнь Чанхуань не верил. Видимо, этот человек по имени Гу Ян и впрямь хорошо о нем заботился.

В душе Шэнь Чанхуаня поднялось необъяснимое чувство обиды, и он язвительно заметил:

— Похоже, вернувшись на свое законное место, человек и впрямь чувствует себя как рыба в воде.

Се Чаньюэ покосился на него:

— Необязательно. Вот ты, например, выглядишь так, будто тебе живется не очень сладко.

Шэнь Чанхуань замолчал. После возвращения в столицу он действительно столкнулся с негласным бойкотом. Молодые барышни и геры из знатных семей прикрывались сочувствием к Се Чаньюэ, но на самом деле он понимал: это была обычная травля чужака. Те люди на словах были в прекрасных отношениях с Се Чаньюэ, но никто из них ни разу не попытался с ним связаться или прислать человека навестить его. А ведь по официальному тракту от столицы до деревни Хуанъян всего полдня пути.

Приезд Шэнь Чанхуаня вызвал у старика Гу и его жены небывалый энтузиазм: его принимали как самого почетного гостя и уговорили остаться на обед. Больше всех этому радовалась Ли Сянтао. Она вихрем влетела на кухню к Му Ся, который грел воду:

— Невестка, приготовь-ка обед получше, блюд побольше! И не жалея масла, в конце концов, твой сын вчера рыбу поймал...

Се Чаньюэ, сидевший за печью и следивший за огнем, услышав это, недовольно встал и заслонил собой папу:

— Гостя привез ваш сын, так почему бы вам самой не приготовить обед, а не командовать моим папой? И не смейте зариться на мою рыбу — даже не мечтайте.

Ли Сянтао скривилась. Хорошо всё-таки, что Чжэнь-эр не женился на этом несчастье, у неё с этой парой вечные нелады. Вспомнив, как Се Чаньюэ не дал ей «лицо» у порога, и зная, что сын дома, она решила выплеснуть накопившуюся злобу и заносчиво заявила:

— Я с твоим отцом разговариваю, тебе-то что за дело? Разве тебя не учили, что младшие не должны вступать, когда говорят старшие? А ну пошел прочь!..

С этими словами она протянула руку, чтобы оттолкнуть его.

Се Чаньюэ, сосредоточенный на перепалке, не ожидал рукоприкладства. Он не удержался на ногах и, если бы Му Ся вовремя его не подхватил, больно ударился бы о кадку с рисом. Ли Сянтао моргнула.

Му Ся сначала убедился, что невестка в порядке, а затем в гневе оттолкнул Ли Сянтао. Он не мог говорить и всегда старался не ввязываться в конфликты, проявляя терпение по отношению к старшей невестке, но он не мог стерпеть, когда поднимают руку на супруга его сына. Ли Сянтао тут же истошно завопила:

— Ну надо же! Сговорились против меня! Два гера обижают беззащитную женщину! Никакого уважения к старшим!

Гу Сьюань писал в комнате, но шум был такой, что он отложил кисть и вышел во двор. У входа в кухню уже столпилась вся семья. А его маленький супруг, словно боевой петух, наседали на старшую тетку Ли Сянтао. Гу Сьюань усмехнулся и решительно зашагал к ним.

Се Чаньюэ, увидев его, тут же надул губы и жалобно запричитал:

— Муж, старшая тетя толкнула меня! Смотри, я чуть не ударился! А еще она ругала меня и папу...

Ли Сянтао не сдавалась и взвизгнула:

— Да кто тебя толкал? Просто задела случайно! И не стыдно тебе при всех жаловаться мужу?

Се Чаньюэ не отступал:

— А вот и буду жаловаться! Вы хотите бездельничать, пока гость вашего сына здесь. Почему вы сами не готовите? Сидите в зале, чай распиваете, пока мой папа крутится как белка в колесе? Да вы даже воду горячую пьете ту, что мой папа согрел — верните её обратно!

— Я развлекаю гостя! Жаловаться... Только и умеешь, что ябедничать! — Ли Сянтао трясло от злости. Она повернулась к своему сыну: — Чжэнь-эр, ты не представляешь, как они вчетвером измываются над твоей матерью, пока тебя нет дома!

Гу Чжэнь нахмурился и взял мать за руку:

— Мама, давай потом об этом поговорим, здесь же гости!

Се Чаньюэ холодно усмехнулся:

— Как же «потом»? Ваша матушка только и ждала вашего приезда, чтобы было с кем за компанию поскандалить. Удивительно: сама лезет на рожон, а потом первая же бежит жаловаться.

Шэнь Чанхуань наблюдал за этой нелепой сценой с презрительной ухмылкой на губах. Если бы он не уехал в поместье графа Суйнин, он, вероятно, тоже был бы частью этого балагана.

Ли Сянтао, поймав этот насмешливый взгляд, почувствовала, как кровь ударила в голову. Она яростно замахнулась на Се Чаньюэ:

— Ах ты, паршивец, как ты смеешь так со мной разговаривать!

— Пошла вон! — Гу Сьюань одним резким движением отдернул Се Чаньюэ себе за спину, а другой рукой перехватил запястье Ли Сянтао и с силой оттолкнул её.

Все изменились в лице. Гу Чжэнь бросился ловить мать.

— А-а-а!.. — Ли Сянтао приземлилась прямо на камень и вскрикнула от боли.

Гу Сьюань, словно не слыша её, взял у Се Чаньюэ платок и принялся неспешно вытирать руки.

— Старшая тетя по-прежнему ведет себя непотребно, — размеренно произнес он. — С каких это пор вы взялись поучать моего супруга? Если такое повторится, не взыщите — племянник примет меры посерьезнее...

Его взгляд был холодным, а голос — тяжелым; когда он говорил так, его аура буквально придавливала к земле. Он смотрел на Ли Сянтао как на пустое место. Тетка невольно задрожала.

Гу Чжэнь не мог стерпеть унижения матери. Он помог ей подняться и гневно посмотрел на Гу Яна:

— Она твоя старшая родственница, как ты смеешь быть столь непочтительным?

Гу Ян покосился на него:

— Во-первых, Чаньюэ — мой супруг, и мой долг — защищать его. Во-вторых, у меня есть папа. Если мой супруг в чем-то неправ, его поучит мой папа, но никак не старшая тетя из другой

ветви. К чему этот произвол?

Гу Чжэнь стиснул зубы:

— Даже если матушка в чем-то ошиблась, ты не имел права...

Гу Сьюань вдруг негромко рассмеялся:

— Брат Гу Чжэнь, а ты не задумывался о том, что Шэнь Чанхуань, с которым вы росли вместе, так и не захотел выйти за тебя замуж именно потому, что не мог выносить твою мать?

— Ты... что за чушь ты несешь? — Гу Чжэнь не ожидал такого поворота. Он пытался возражать, но инстинктивно бросил взгляд на Шэнь Чанхуаня.

Тот, не ожидая, что разговор коснется его, сменился в лице и сухо улыбнулся Гу Чжэню:

— Я всегда относился к брату Гу только как к старшему брату.

— Вот видишь, — на лице Гу Сьюаня заиграла уверенная улыбка.

Хотя Гу Чжэнь и раньше знал о чувствах Шэнь Чанхуаня, услышать это снова в такой момент было невыносимо. Его лицо посерело.

Шэнь Чанхуань не выдержал атмосферы и направился к выходу:

— Видимо, вашей семье нужно разобраться в своих делах. Я пока наведаюсь в дом Се.

Ли Сянтао смотрела вслед уходящему Шэнь Чанхуаню, потом на поникшего сына, открывала и закрывала рот, не зная, что сказать.

Из дома вышел старый Гу. Он окинул их взглядом и тяжело вздохнул:

— Устроили такое перед посторонними... Видимо, жить вместе вы больше не желаете.

Гу Лаода и Гу Лаоэр замерли:

— Отец.

Старик обратился к ним:

— Ступайте в город за третьим братом. Будем делить дом.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281587>